

Эля Хакимова

КОМНАТА СТРАХА

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Х-16

Художник обложки *Юлия Межова*

Хакимова, Э.

Х-16 Комната Страха / Э. Хакимова.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009.— 282, [4] с.

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1545-5 (ООО «Астрель-СПб»)

ISBN 0-00-000000-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1598-1 (ООО «Астрель-СПб») — (белая)

Ева всегда одна.

У Евы есть дар. Ей достаточно образца почерка, наклона, размера и округлости букв, чтобы увидеть образ и судьбу человека. Работая с очередным письмом, Ева понимает: его автор — убийца. И хоть драма разыгралась в другой стране и в другом веке, умереть за тайну старинного документа можно здесь и сейчас...

«Комната Страха» — роман-сюрприз: изящная мелодрама в обертке детектива, перевязанная лентой исторической авантюры.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать с готовых диапозитивов

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

© Э. Хакимова, 2009

© ООО «Астрель-СПб», 2009

ПРОЛОГ

Тонкое лезвие весенней сырости обострило пряные запахи побережья — мокрой коры сосен, тины и соленого ветра. Ева, глубоко задумавшись, шагала по узкой ленте песка, перемешанного с хвойными иглами. С одной стороны топорщился угрюмый лес. С другой натужно дышало море. Девушка вздрогнула, когда заметила ворону, неподвижно лежавшую в паре метров от ее ботинок. Приблизившись, Ева скорее почувствовала, чем увидела, что птица жива.

Со стороны деревьев — хмурая и степенная, с маленькой черной трубкой, зажатой меж золотых зубов, и ярким платком, свернувшимся на голове,— на берег вышла старая цыганка. Подошла к Еве и, наклонившись, подняла с мокрого песка ворону. На песке осталось яркое пятно крови. Птица не издала ни звука, пока цыганка складывала ее как перочинный нож и засовывала в карман пиджака с отливом, явно с чужого плеча. Посмотрев на Еву, цыганка, не вынимая трубки изо рта, сурово бросила:

— Погадаю, красавица,— и, предупреждая готовые сорваться с языка девушки возражения, снисходительно кивнула: — Без денег погадаю. Просто так.

— Не надо.— Ева протестующе взмахнула рукой, но гадалка ловко выхватила из воздуха тонкое запястье черными пальцами, неожиданно теплыми и мягкими. Клубок дыма

пыхнул в ладошку Евы. Взгляд цыганки нырнул вслед за ним... то, что она увидела в паутине линий, заставило ее вскинуть глаза к лицу девушки.

Грубо отбросив руку Евы, цыганка направилась к линии прибора. Пальцы, которыми она прикасалась к девушке, цыганка опустила в кипящую пеной воду.

Из-за деревьев с громкими криками выбежала ватага чумазых детей и бросилась к старухе. Она гортанно крикнула им что-то, и они остановились как вкопанные, не спуская изумленных глаз с Евы. Пока та проходила мимо выстроившихся и притихших детей, поедавших ее глазами, цыганка, закончив омовение, достала из кармана ворону, поблескивающую черными бусинками глаз и отдала ее одному из мальчиков.

ЧАСТЬ I ВОРОНА

Глава 1 ЧУЖОЕ ПИСЬМО

Выглядела Ева необычно, напоминала ворону — лакированно-черную, прямую и гладкую, даже кости ее, казалось, были трубчато-полые, как у птиц. Вовсе не желая отличаться от окружающих, Ева, тем не менее, выделялась в толпе — и цветом, и фактурой, и непроницаемым выражением лица, не выпускающим наружу чувства, все равно не понятные, как она самонадеянно полагала, никому.

Квартира Евы была царством, где вдовствующая королева Серого являлась регентом его высочества принца-дофина Белого. Рационализм стали, льдисто сияющей в элементах интерьера, отрезвлял всякого, кто оказывался в ее доме. Минимализм, доведенный до полнейшей экономии эмоций, уступал в «уютности» разве что казенному моргу. С небольшим отрывом.

Ева задернула шторы и выключила в доме день. Теперь, благодаря искусственному освещению, стала заметна самая главная для нее в квартире вещь — картотека, занимавшая весь сделанный на заказ стеллаж. Ее личная коллекция почерков. Тысячи планшетов, заполненных вязью слов. Это были исписанные листы самой обычной или, наоборот, редчайшей бумаги. Богатство Евы, ее друзья и враги, ее Любовь, ее работа — вся ее жизнь была на этом стеллаже. Только здесь, рядом со своей уникальной коллекцией — она чувствовала себя на месте. Ева была графологом.

Помучавшись после окончания школы с выбором профессии, как и всякий, кто несчастливо обладал склонностью одновременно и к гуманитарным, и к техническим наукам, она в конце концов заинтересовала своими работами солидную фирму. Организация эта занималась частными расследованиями, кадровыми вопросами и вообще всем тем, за что состоятельные клиенты были готовы платить деньги.

Сейчас Ева приступила к работе — курьер доставил очередное задание. Быстро изучив несколько резюме соискателей, Ева составила психологические характеристики претендентов. Для объективного анализа личности ей было достаточно написанного от руки текста на нелинованном листе. Ева могла видеть, как из плоскости бумаги проступает объемный портрет человека, с деталями, поясняющими его характер, прошлое, а иногда и будущее.

Покончив с резюме, Ева приступила к самому приятному. Из папки, отличающейся от остальных, она достала свой трофей. Письмо, написанное на листе обычного формата. Ева с закрытыми глазами могла воспроизвести все строчки этого документа, все буквы, все тончайшие линии, заметные только под лупой. Не только потому, что обладала фотографической памятью, но и потому, что уже бесчисленное количество раз смотрела на этот лист, убористо исписанный кем-то.

Это было похоже на то, что происходит с фотографией, когда изображение проявляется в химических растворах, постепенно выплывая из густого, как сливки, тумана. Слой за слоем полупрозрачные тени, накладываясь друг на друга, образуют живой портрет. Сначала общий силуэт, эскиз характера. Для этого довольно беглого взгляда на размер букв, наклон, поля, нажим, с которым писались строки. Затем скрупулезный поиск подтверждений или опровержений основных черт.

Она искала новые штрихи к портрету Писателя. На основании почерка нельзя утверждать, женщина это или мужчина, молодой или пожилой человек. Собственно, многие ее предположения по этому Письму были заведомо не верны. Ева отчаянно своевольничала, изначально приняв за факт, что автором

этого Письма был Он. Весь образ, с мельчайшими полутонами и выписанными тенями мог рухнуть, окажись Писателем женщина. Многие заключения Евы строились исключительно на основании глубокого внутреннего убеждения, рожденного почти невыносимым желанием, чтобы это был Он.

Ева с детства обращала внимание, как люди пишут. Каждый по-своему, каждый почерк неповторим. Соседка по парте в начальной школе писала с едва уловимым нажимом, перья выбирала тонкие и светлые. Ее прописи и даже черновики были чистенькими и аккуратными, как и сама хозяйка — миниатюрная брюнетка с огромными блестящими глазами. Мику стали звать Мышкой почти сразу, отчасти из-за созвучности имени, отчасти же из-за ее мелких суетливых попыток быть неприметной.

Мика подружилась с Евой, тихой, задумчивой девочкой, явно безопасной, и беспрепятственно позволила той изучить свой характер и впервые сопоставить его особенности с особенностями почерка. Это были одни из ранних наблюдений Евы, а потому — одни из самых волнующих и незабываемых. Строчки, написанные человеком, привязывали к нему, как погремушки ниточками, всевозможные качества, из которых и складывался характер.

Остренькие, аккуратные буквы в бледных тетрадках Мики как будто специально подстраивались под ее замкнутую, сдержанную натуру. Стиснутые в словах, между которыми оставались только узкие окошки просвета, как маленькие, бледные дети, истощенные экономией всего на всем (Мика была из многодетной небогатой семьи), они, казалось, печально попискивали от голода.

Презирая безнадежную борьбу учителей за правильный наклон, буквы Мышки почти падали на строки. Постоянное соперничество Мики с Евой скалывало их почти до геометрической угловатости. Обе девочки успевали довольно хорошо, но Еву никогда не волновало, насколько больше у подруги высоких оценок, тогда как Мика вела им строгий учет, записывая баллы двумя колонками в маленькую черную книжечку.

Еву эти чудаковатости ничуть не удивляли. Напротив, она только радовалась разнообразию человеческих странностей, представляющих столь широкое поле для исследования, и никогда не делила особенности почерка на хорошие и плохие, так же, как честно старалась никогда не судить о людях как о плохих или хороших.

Сама она писала или печатными буквами, или с абсолютной точностью копировала прописи неизвестного идеального автора в школьных учебниках. Обладая способностью чувствовать самые потаенные желания людей через их почерк, Ева сильно удивилась, когда узнала, что далеко не все умеют делать то же.

Подобно парке *, она распутывала строчки писем в ровные нити и сматывала их в клубки — сгустки человеческой натуры. Зачем ей нужны были фотографии людей? Достаточно одной страницы, и вот уже готов портрет, более подробный, чем любой фотоснимок: ведь никто уже не может скрыть за притворной улыбкой — зависть, а за показным спокойствием — бурю чувств. Все пережитые трагедии, удары судьбы, совершенные или только задуманные преступления открывались Еве иногда с первого взгляда, иногда после тщательного анализа.

Ева знала, что нельзя торопиться и принимать за истинные те предположения, которые первыми приходят в голову. Иногда сочетание различных особенностей приводило к противоположным выводам. Очевидные признаки вступали в противоборство с теми, которые можно было разглядеть только через увеличительное стекло. К тому же все они имели свой ранг и, как карты в колоде, свое достоинство.

Отдельные штрихи рукописей складывались в образ человека. Каждая линия занимала в образе свое место — и, не имеющая смысла с близкого расстояния, издали неотделимая от других, становилась частью полутени в черно-белом портре-

* Парка — одна из трех богинь судьбы в древнеримской мифологии. Парки (*Nona, Decima u Morta*) пряли, распределяли и перерезали нить человеческой судьбы. (*Здесь и далее примеч. автора.*)

те. Ева не владела цветом, она была графиком. Теряясь там, где нужно было почувствовать вкус живой палитры, она ясно различала мельчайшие оттенки черного — от туманно-серого до тончайшей и чернейшей линии на границе двух предметов.

И вот сейчас она мысленно разглядывала портрет автора Письма. Позволяла она себе такое довольно редко — чтобы не обесценить, не растерять радостную свежесть ощущений и не «замылить» глаз. Это была ее маленькая тайна, ее отрада, от которой не так легко отказаться было еще тогда, в день находки трофея, а сейчас уже и невозможно. В глубине души Ева была уверена, что только ради встречи с Письмом она и стала этим самым специалистом-почерковедом, как полусушья-полусерьезно называл ее координатор.

Глава 2

ЗНАКОМСТВО. ДОМ, СЕНЬОРА И НЕ ТОЛЬКО

Координатором назывался человек, который передавал Еве заказы, ставил перед ней задачи и порой кормил ее обедами в самых экзотических ресторанах города. Этим вечером они снова встречались.

Иногда она пристальнее обычного вглядывалась в своего руководителя, вспоминая его почерк. Как и на всякого сотрудника компании, на Макса тоже было заведено дело с образцом почерка, хранившееся в архиве отдела по персоналу. Этот образец попал как-то раз в руки Евы, благодаря небольшому внутреннему расследованию, которые время от времени затевала служба охраны, чтобы убедить руководство в собственной компетентности.

Явно почерк высокого блондина. Прирожденный руководитель. И, вероятно, человек, пока не достигший всего, на что способен. Уверенный нажим. Довольно скрытный характер.

Ева не удивилась бы, узнав, что он давно и тайно в кого-то влюблен.

Худое костистое лицо с героическим шрамом на лбу, но при этом крепкое, мускулистое, как у холеной борзой, тело профессионального спортсмена. Холодные серые глаза с удлинённым разрезом цепко вглядывались в собеседника, подмечая малейшие нюансы мимики и надолго оставляя за собой прохладный, как чешуя змеи, след, не исчезающий даже под лучами солнца.

Тонкие губы, казалось, никогда не растягивались не только в улыбке, но и просто в гримасе. На проявления сильных эмоций, очевидно, он не способен.

«Неужели и у детей могут быть такие тонкие губы? — размышляла Ева, изучая меню и тайком поглядывая на своего собеседника. Ей легче было поверить в то, что Макс никогда не был ребенком. — Нет, решительно малоприятный тип. Ему явно есть что скрывать, и давно пора прекратить эти встречи, подозрительно похожие на свидания». Ева заметила пристальный взгляд начальника.

— Бокал вина, если можно. — Она откинулась в мягкое глубокое кресло. — Я не голодна.

— Ну, заказ вы уже сделали, — напомнил координатор, заставив Еву слегка покраснеть, — а вот что вы скажете насчет этого?

Он вынул из портфеля бювар с документом, выписанным вручную на листе старинной веленовой бумаги, и передал ей. В нижнем правом углу просматривалось личное клеймо, какие обычно ставили мастера гильдии производителей бумаги. Конец восемнадцатого, вероятно, Лион или Париж... Нет, Париж.

Тряхнув головой, Ева посмотрела на лист. Провела раскрытой ладонью над четкими строчками, не касаясь поверхности бумаги. Живой документ, вне всякого сомнения. Перевернув страницу, она увидела рельеф, отчетливо повторяющий с изнанки все строки в зеркальном отражении.

Так, теперь почерк. Ева, как это всегда с ней происходило в подобных случаях, увлеклась и перенеслась в Рабочий Кабинет, перестав воспринимать реальность. Была у нее такая

особенность — бегство из реальности для нее означало скорее процесс не «из», а «куда». Где-то внутри нее был Дом, огромнейший, с сетью запутанных коридоров и потайными комнатами, с лестницами, уходящими в темноту, и чердачными оконцами за трепетом белого муслина.

Открыла она этот Дом случайно. Детский аттракцион с крутобокими пони и радостными динозавриками, раскрашенными в яркие цвета, на первый взгляд показался пятилетней Еве совершенно безобидным — и она поддалась уговорам прокатиться на «миленькой лосадке».

Все такие надежные до сих пор ориентиры, с неподвижной землей, уверенно вросшими в нее деревьями, небом, неизменно находившимся над головой, — предательски тронулись с места, закружились и, кривляясь в диком танце, внезапно исчезли вовсе. Остался только глухой гул, давивший на уши почему-то не снаружи, а словно изнутри. От полной и внезапной потери связи с реальностью маленькая Ева немедленно перенеслась в Комнату Страха. «Может, меня вывернули наизнанку?» — раздалась в тишине ее мысли.

Слегка раздвинув ладони, закрывавшие лицо, она осторожно ознакомилась через импровизированную амбразуру с окружающим пространством. Пространство было замкнутым, хотя стены терялись в пыльном затхлом полумраке, наполненном незнакомыми запахами. Скорее, это была даже не комната, а глубокий колодец. Каменный мешок, в котором все звуки, растворенные в скудном свете, однородной густой кашей изливались на ее голову откуда-то сверху. Когда перебивают краски всех оттенков сразу, получается именно такая по цвету и текстуре масса. Но и здесь можно было существовать — дышать, слышать свои мысли — и ждать. Ждать, когда вернется прежняя жизнь и остановится карусель.

Притихшая Ева слезла с лошадки в объятия матери, запоминая дорогу в новый для нее мир. Со временем она ознакомилась с другими комнатами этого Дома, но чувствовала, что многое так и не увидит никогда — слишком уж он был для нее велик. Она не полюбила его, нет. Но приняла и узаконила его существование.

Кроме Комнаты Страха, там было много других мест и вещей, более или менее приятных. Например, Лодка в виде кровати, медленно плывущая по ночной реке, с берегами, терпящимися в мягких сумерках. Там тихо плескались волны, а звезды сияли и сверху и снизу.

Или Детская Площадка, запеченная в четырехчасовом полудни летнем солнце, которое отвесным потоком источало свой расплавленный до белого каления свет в разогретый песок. Воздух здесь был густющий, но мягкий и текучий, как сливочное масло, забытое после завтрака. Здесь десятилетняя Ева оказалась в момент клинической смерти, когда во время одной пустяковой операции анестезиолог ошибся с дозой наркоза.

Было еще звенящее Раннее Утро, которое можно застать только специально проснувшись в самый сладкий час ночного сна, когда прохлада омывает каждую каплю пространства и выстраивает в ряд все надежды для полного и решительного их осуществления. Да много чего еще было в этом удивительном Доме!

Рабочий Кабинет для размышлений был светлым и холодным. Одно из самых ее любимых мест. Белые непрозрачные стены отсекали все звуки. Казалось, внутрь этой комнаты проникало только холодное сознание, все остальное — руки, ноги, голод, страх или желания — как ненужный зонтик и галоши, оставшиеся в прихожей, терпеливо дожидались минуты возвращения своей хозяйки.

— Это случайно не очередная проверка? — Ненадолго вынырнув из Кабинета, она внимательно посмотрела на Макса.

— Если я поклянусь, что нет, вы мне поверите? — Он слегка усмехнулся.

Что за дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос! С такого станется, проверит — не моргнет. Хотя это она, конечно, погорячилась. Еве вспомнилась и черта, твердо и коротко проведенная под его подписью, и сам почерк, неразборчивый на первый взгляд, но очень понятный в действительности благодаря максимально упрощенному написанию букв. Значит, рационален, умен. Да и гордость не позволит ему опускаться

до тривиального обмана или хотя бы на дюйм отойти от единственно возможной истины.

«Ну и черт с тобой!» — оставила Ева последнее пожелание за стенами Кабинета. Здесь уже в нетерпении столпились все выкладки анализа почерка — параметры сами собой фиксировались и выстраивались по рангу, поддерживая друг друга или опровергая, составляя пары сочетающихся друг с другом или недоумении сталкивающихся утверждений. Наклон, твердость... Она сделала поправку на год и век написания письма — было время, когда завитки и украшательства являлись признаком хорошего образования или средний угол наклона был неизмеримо большим, чем принятый сейчас, а грамотность уже сама по себе характеризовала человека определенным образом.

— Человек интересный. Очень изобретательный. Редкий тип чистого сангвиника. Задумал убийство. Писал в момент его осуществления.

— Даже это можно вывести? — Макс недоверчиво приподнял бровь.

— Не знаю... Он мог параллельно писать и, скажем, подсыпать яд в бокал. У них, аристократов, знаете ли, в те времена многие знали о ядах — современный эксперт-токсиколог сильно позавидовал бы. По крайней мере два временных перерыва вот здесь и здесь были точно. Небольшие...

— Значит, аристократ? — Он откинулся на спинку кресла и казался полностью расслабленным. Но в глазах читалась напряженная работа мысли.— Мужчина или женщина?

— Вы же знаете, этого сказать только на основании почерка никак нельзя.— Ева слегка споткнулась на слове «никак», вспомнив вдруг то самое Письмо.

— Можно притянуть некоторые особенности излома, и потом, поправка на время — бумага дает шанс более точно датировать документ — я бы сказала, что скорее мужчина. Или ну очень уж решительная и волевая (у сангвиников меньшие различия) женщина. В таком случае речь идет о женщине, намного опережающей свое время, причем она хорошо знала это. Окружающие, несмотря на ее довольно высокий социальный статус, слишком уж часто давали ей это понять...

Сама не замечая как, Ева увлеклась не на шутку. Ей не было свойственно работать так открыто, тем более при человеке, которого она если и не презирала, то уж точно — которому не доверяла. Тайнство составления портрета требовало одиночества, да и дорога в Кабинет не открывалась так запросто, тем более в публичном месте. Однако теперь она, даже не задумываясь, продолжила размышлять вслух:

— Пусть это будет женщина. Предположим, я хотела сказать. Высокая брюнетка. Определенно — очень красивая женщина. Не понимаю ее склонности к мистике — она должна быть весьма образованной особой не только по тем временам, но и по нынешним. — Про себя Ева уже назвала объект. Она любила персонифицировать почерки, давая им не только портреты, но и имена. «Старая Сеньора», — не колеблясь, постановила она. Попробовав на вкус слова, она осторожно пробормотала их вслух.

— Вы предполагаете, что преступлением было именно убийство? — Макс слегка нахмурил темные брови.

— Думаю, да, — не отвлекаясь, бросила Ева и достала из сумки лупу, чем вызвала легкий блеск удивления в глазах собеседника. — Жаль, что здесь плохое освещение... Больше действительно похоже на отравление. Хорошо впишется в нашу концепцию о том, что это она, а не он. Это во-первых. — Ева опять замолчала, уставившись в пространство, как будто что-то вспоминая.

— А во-вторых? — Макс все же решил нарушить ее сосредоточенное молчание после продолжительной паузы.

— Это была самозащита. Крайняя мера, вынужденная, но вполне осмысленная. На преступление в состоянии аффекта она не способна. Не ее стиль. Гордость за свой род не позволяет. Гордость, возможно, и была побудительным мотивом. Честь для этого человека — важнее жизни.

— Для сангвиника это логично, но для женщины? — с сомнением в голосе прервал координатор Еву, постукивая пальцами по столу.

— Именно для этой вполне логично, — отмахнувшись от его замечания, она продолжила разглядывать уже вполне

сложившийся образ Сеньоры. Ее присутствие за их столиком стало столь явственным, что оба, выпрямившись в креслах, на несколько секунд притихли. Дама, вызванная Евой из толпы времен, спрессованной в рыхлый лист пожелтевшей бумаги, внимательно прислушивалась к ее словам.

В приглушенном свете ресторанный зал, интерьер которого, пожалуй, был перегружен зеркалами, стоял легкий гул, в котором, как в экзотическом коктейле, были намешаны различные звуки. Ненавязчивая музыка, размытые голоса беседующих за столиками пар и двух-трех компаний — настолько разношерстных, насколько можно увидеть в одном заведении.

— Излом настораживает. Интеллект все же превалирует, однако накал эмоций в тот момент был очень силен. Что-то французское в этом испанском документе...

— Вы хотели сказать — что-то испанское в этом французском документе? — Макс вопросительно посмотрел на удивленную Еву.

— Почему французском? Бумага действительно сделана в Париже, если это настоящий документ, но писать могли где угодно. В те времена документ, писанный собственноручно, а не секретарем, должен был быть именно на такой бумаге, ее иногда заказывали специально, еще и с личным гербом. А, собственно, что... — Она в изумлении уставилась на Макса, лицо которого вдруг изменилось до неузнаваемости. Этот сухарь, этот педант и позер, оказывается, умел смеяться! Более того — хохотать.

— Текст на французском языке, — с трудом остановившись, выдавил Макс.

Ева настолько увлеклась почерком, что не обратила внимания, на каком языке написан изучаемый документ. Это действительно был лист с перечислением блюд на французском языке. Меню! Ева и сама бы посмеялась, но для нее это был скорее повод задуматься. С одной стороны, смешно, конечно, не замечать столь очевидные факты, а с другой — многие черты ее характера тщательно культивировались ею самой на протяжении всей сознательной жизни. А способность

концентрироваться на самом важном, пусть и ценой потери малозначительной информации, была ее гордостью.

Об этом она и думала всю дорогу домой, параллельно болтая с Максом о всякой всячине. Ни в коем случае не намереваясь развивать потепление между столь разными людьми, как она и ее начальник, Ева все же на секунду примерила на себя возможное совместное с ним будущее — просто в силу привычки не отметить никакие, даже самые нелепые варианты решений задачек. Ей стало тесно и неуютно.

С чувствами у Евы складывались странные отношения. Многие из них она считала откровенно ненужными, а некоторые — и просто вредными. Любовь относилась к разряду несуществующих. Распроставшись с Максом, она сказала себе: «Ну, все, хватит. Пора заканчивать эти свидания, ни к чему хорошему они не приведут».

Надменная Сеньора все еще продолжала маячить на задворках сознания, когда Ева вернулась домой. Впервые за долгое время довольная проведенным вечером, она, не включая лампы (скудного ночного света, проникавшего сквозь окна, было вполне достаточно), прошла по квартире.

Глава 3

ПРИГЛАШЕНИЕ КАССАНДРЫ

На автоответчике ее дождалось сообщение: «Ева, детка! Давно не видела тебя. Не желаешь навестить свою престарелую родственницу?»

Этот властный и тихий голос Ева помнила с раннего детства. Уже тогда он был таким же надтреснутым, как ваза в пыльном чердачном буфете огромного загородного дома, со временем ставшего резиденцией бабушки Александры.

Спокойствие как рукой смахнуло. От своих родственников Ева старалась держаться еще дальше, чем от остального

человечества. С детства замкнутый и неприветливый характер заставлял ее общаться с людьми как можно меньше. Одиночество не тяготило ее, зато склонность к созерцательности рано развила в ней наблюдательность.

С большинством родственников Ева не виделась годами, проживая с ними в одном городе. Тем не менее заботами мамы сведения о ее жизни исправно доставлялись всем членам семьи. Бабушку Александру она не видела уже много лет, с тех пор как перестало быть обязательным проведение летних каникул в загородном доме, что на протяжении трех последних столетий считалось в семье одним из неперменных условий воспитания здорового потомства.

Озадаченная сверх всякой меры, Ева соображала, как именно ей поступить. Должна ли она тотчас ехать в старый дом? Или она может сделать это, когда ей будет удобно? Лучше, конечно же, никогда... Вдруг удастся отделаться и послать с визитом Виолу? Задумавшись, Ева вздрогнула от неожиданности, когда зазвонил телефон.

— Дорогая моя, будь готова — завтра к шести я за тобой еду. Постарайся поприличнее одеться. Все-таки Александра уже старенькая, сама понимаешь, не особенно следит за современной молодежной модой. Прошлый раз Марфа ее чуть не прикончила своими татуировками. Слава богу, ты у меня не такая! Но бедную сестру мою просто жалко, — без капли сожаления в голосе тараторила Виола, — иметь такую дочь! В чем дело, почему ты молчишь? Алло, алло, я тебя не слышу!

— Все в порядке, ма! Я тебя слушаю.— Собственно, все вопросы разрешились сами собой.— А мне обязательно туда ехать?

— Да,— сурово проигнорировала просительно-раздраженные нотки в голосе дочери родительница.— И вообще, я не понимаю, в кого ты уродилась такая... такая дикая?! Человек не должен жить один. У тебя великолепная, замечательная семья, а ты избегаешь ее. Это глупо и безответственно, в конце концов!

— Ну хорошо, хорошо. Я еду. Не понимаю, что ей от меня понадобилось.

— Возможно, она по тебе просто соскучилась,— ядовито предположила Виола.

— Ты ведь наверняка что-то знаешь!

— Нет, я ничего не знаю,— в некотором замешательстве от собственного признания проговорила мать,— и никто ничего не знает, уж поверь мне, я навела справки. Честно говоря, сама сгораю от нетерпения,— простодушно призналась она.

— Понятно. Спокойной ночи, ма.

Виола, судя по всему, продолжала еще говорить, когда Ева решительно опустила трубку. Тут же раздался еще один звонок. Секунду подумав и решив, что вряд ли Виола снова так резко наберет ее номер, Ева ответила.

— Салют-салют! — зазвучал голос Марфы, неизменно доброжелательный и бодрый. Она всегда несколько манерничала (пережитки прошлого, когда считалось, что представители богемы разговаривают иначе, чем нормальные люди), растягивая гласные, вставляя словечки из лексикона узких специалистов в какой-нибудь редкой области или ставя ударение в словах так, как это делают только иностранцы.

— Привет,— несколько напряженно ответила Ева.

Обе помолчали.

— Ну что, готовишь распятие и осиновый кол?

— Ха-ха-ха,— без всякого выражения изобразила Ева,— тебя тоже?

— Да я уже отстрелялась.

— Интересно. Действительно что-то серьезное?

— Как сказать...— Голос Марфы теперь стал более естественным. За дурашливыми нотками пряталась усталость, что было на нее не похоже.— Я просто хотела убедиться, что ты едешь.

— У меня есть выбор?

— Как раз у тебя-то он и есть. Как всегда.

— Марфа, я ничего не понимаю. Честно говоря, и не хочу. Эти загадки меня раздражают, и я не желаю в них разбираться. Почему бы вам всем не оставить меня в покое? Прости, я не хотела говорить с тобой так резко,— и после паузы добавила уже спокойнее: — Именно с тобой меньше всего.

— Я знаю, ты можешь опять на месяцы, если не на годы, закрыться или вовсе исчезнуть. Но я тебя прошу, не уходи от нас сейчас. Это нужно мне.— На последнем слове Марфа сделала ударение.

Глава 4

МАРФА И ВОРОНА

Ева была потрясена ее настойчивостью. Уж кто-кто, а Марфа всегда признавала за человеком право на свободу выбора. С раннего детства проявившая свой характер, эта активная и любознательная девочка, от природы наделенная недюжинными способностями, демонстрировала самые крайние проявления подросткового бунта. То всей семьей ее вытаскивали из какой-то религиозной секты, пряча «бедную девочку» у разных теток от прилизанных и всегда безупречно вежливых сектантов. То вдруг она ударялась в язычество, довольно смело экспериментируя с шаманскими способами изменения сознания. Затем увлекалась протоевангелиями и отреченными писаниями. Она с энтузиазмом зачитывала своим благопристойным тетушкам апокрифы малоизвестных средневековых схоластов. После чего несчастные едва не возблагодарили бога за то, что Марфа свернула на путь обычных хиппи, поселившись с ними в палаточном городке, расположившемся недалеко от семейного загородного дома.

«Гораздо лучше, что теперь наша девочка рядом и под прищмотром», — шептались милые старушки. И «присматривали» из-за кружевных занавесок за танцами и митингами детей солнца. Но лето прошло, и все эти веселые молодые люди с блестящими (не только от ветра) глазами куда-то испарились. И Марфа ушла вместе с ними.

После нескольких лет кочевой полубогемной, полуцыганской жизни Марфа, повзрослев, успокоилась. Сняла квар-

тирку и устроилась в лавку, которая торговала всякой всячиной — от магических кристаллов и амулетов до бижутерии фэн-шуй, эзотерической литературы и картин. Картины при-страивали сюда знакомые художники из начинающих и гениальных, но безжалостно отвергнутых известными галереями. Марфа, единственная из пяти двоюродных сестер Евы, была замужем за неизвестным (о, только пока!) художником и уже имела ребенка.

Ева испытывала смешанные чувства именно к этой своей кузине, выделяя ее среди всех прочих. Только с Марфой она могла сидеть ночами на широких подоконниках, наблюдая, как мимо проплывают клубы тумана, и казалось, это девочки плывут в тишине мимо окутанных дымкой берегов неизвестной страны. А когда наступало утро, они первыми сбегали с крутого берега к реке, плавно несущей свои воды мимо их дома, плеском, смехом и дикими криками выгоняя ранних птиц из прибрежной травы.

Маленькая разбойница Марфа, отважная и веселая. Всех знавшая, всем интересовавшаяся. Раньше других девочек закурившая, выпившая вина и поцеловавшая мальчика. Она щедро делилась опытом с кузинами. А те жадно, как птенцы с раскрытыми клювиками, ловили каждое ее слово. Она исследовала поросшие паутиной чуланы и темные чердаки, отыскивая сундуки со старыми шляпами и вышедшими из моды еще лет пятьдесят назад платьями — для домашних карнавалов и театральных постановок. Марфа, само собой, исполняла роли героических капитанов пиратских брига или несправедливо осужденных графов.

В отличие от других девочек, Марфа поменяла наклон почерка, начав укладывать буквы не направо, как всех учили в школе, а налево. Эту особенность она пронесла сквозь годы, богатые на события и людей, не изменив округлость и твердость небольших буковок, из которых уверенно вывязывала слова в редких письмах Еве.

Так Ева и вспоминала Марфу, всю ночь ворочаясь с боку на бок. Не заснув до утра, разбитая, совершенно несчастная, она стала ждать вечера. Была любимая погода Евы — шел дождь.

Мерный стук дождя по оконному стеклу пытался убедить ее, что все еще наладится. Возможно. Возможно. Возможно.

Ева жила в одном из старых районов города, тихом и почти свободном от шумных торговых и бизнес-центров. До сих пор не облюбованный яппи или парвеню, район был застроен преимущественно доходными домами в стиле модерн. Как бы отделенный от остального города небольшим каналом с одетыми в камень набережными, с тихими скверами и огражденными высоким, кованым кружевом дворами, в которых няни выгуливали детей в колясках и без, район соседствовал с парком. Этот огромный городской парк, давно запущенный, стал убежищем для попрошаек и нищих всех мастей.

Старинный собор, выстроенный из серого камня, навевал уныние и в самые солнечные дни. Когда-то он был частью женского монастыря, но, видимо, даже отказавшиеся от мирских утех девы не могли вынести удручающего существования, которое обещали эти мрачные, суровые стены. Казалось, могильный холод разливался от этого угловатого здания, стоявшего на границе между законом и волей, между детьми ночи и дня.

Ева смотрела из окна на вымокший и от этого еще более потемневший собор, на черную воду в канале и думала, что вот он, наверное, и есть конец ее спокойной жизни. До этого момента Ева не осознавала, насколько счастлива была вдали от шумной родни, их забот и волнений. Ей пришла мысль, что она, как и этот старый собор, пограничное создание, не принадлежащее ни ночи ни дню, ни жизни и ни смерти, — нейтральный наблюдатель.

Она проверила свой почтовый ящик, напрасно попыталась отработать присланные документы — очередное задание из конторы. Прочла несколько писем от людей, с самого начала их знакомства принявших как должное редкие ответы от Евы, еще более редкие звонки и уж совсем нечастые встречи с ней. Наконец, утомленная бессонной ночью, решила передохнуть, в надежде уснуть хоть ненадолго до приезда Виолы. Она зарылась поглубже под одеяло и, как ни странно, мгновенно провалилась в омут сна.

Что-то случилось — это она поняла сразу. Ева никогда раньше не замечала чужого присутствия в своем внутреннем пространстве — Дом, хотя и не изведанный до конца, имевший еще множество комнат и темных закоулков, всегда принадлежал только ей. До сих пор. Заглянув первым делом в Кабинет, Ева ужаснулась переменам. Белые стекла были разбиты, девственная чистота стен опорочена разводами и грязными потеками черной жижи, издающей непереносимое зловоние. И повсюду следы босой человеческой стопы и трехпалой птичьей лапы — пунктиром пересекающихся линий. Съежившись от страха, она стала искать дорогу обратно. Не узнавая изменившихся лестниц и коридоров, Ева все больше теряла контроль над собой.

Почти на грани истерики она вдруг набрела на доселе незнакомую территорию. Зайдя в первую же дверь, Ева оказалась в комнате, стены, пол и потолок которой были сделаны из зеркал. Слишком много зеркал — вспомнилось ей о ресторане, в котором она ужинала с Максом. Оглушительно хлопая крыльями и издавая отвратительное надрывное карканье, черным ворохом взметнулась ворона. Она беспорядочно бросалась по комнате от стены к стене, билась о зеркала, которые многократно умножали ее отражения, и, наконец, в последнем порыве, обезумев, бросилась к Еве. Девушка выплеснула крик, застрявший в горле, и мгновенно перенеслась в другое место.

С бешено бьющимся сердцем она очутилась в месте, которое хорошо знала. Комната Страх за много лет с последнего посещения не изменилась. Те же стены, выложенные из серого камня, от сырости поросшие зеленым мхом; тусклый свет, лениво сползающий сверху грязно-серой вязкой массой. В тишине отчетливо слышался размеренный звук капающей воды. Эхо торопливо улетало вверх по колодцу, как дым в трубу.

Остановившееся время заворуженно разглядывало каждую каплю. Подождав немного, по опыту зная, насколько непонятным становится время в этой комнате (да и во всем Доме оно меняло свою сущность кардинально), Ева села на каменный пол, покрытый мягким ковром из толстого слоя пыли и мусора.

Ожидание затягивалось. Никогда раньше у Евы не получалось размышлять в этой комнате. Эта мысль пронзила ее, причинив почти физическую боль, девушку охватил уже не просто страх. Это был леденящий душу ужас. Ева посмотрела наверх.

Заслонив свет, отбрасывая гигантские тени, оттуда, свесив головы над краем колодца, смотрели Марфа и Сеньора. Переглянувшись, они весело сверкнули глазами и кивнули друг другу, оскалив зубы в безумной улыбке. И тут, как будто только с их высочайшего разрешения, Ева проснулась.

Глава 5

СТАРЫЙ ДОМ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

Звонили в дверь. Бросив взгляд на часы, Ева поняла, что за ней приехала Виола. Медленно подняв руку ко лбу, она прикоснулась к холодной, влажной коже. Настойчивые звонки продолжались, к ним добавились трели телефона. Видимо, Виола теряла терпение.

— Боже, боже! Как ты меня испугала! Я уже думала, что ты куда-нибудь сбежала, лишь бы не ехать со мной сегодня, — локомотивом ворвалась в квартиру Виола. Она с упоением переживала ужас несбывшегося предположения. Наконец, оглядев бледную Еву, так и стоявшую в открытых дверях, Виола смягчилась: — Ну, не грусти ты так. Никто не будет донимать тебя или мучить. В конце концов, мы же все тебя любим. Честное слово, ты ведь не на каторгу и не в пыточную камеру идешь!

Они спустились к машине Виолы. Усевшись на заднем сиденье, Ева, под убаюкивающий щебет матери, стала смотреть на пролетающие мимо дома и улицы. Потрепанная, выдавшая виды старая машина Виолы, приткно рванув с места, катилась по мокрому городу в сторону залива.

Нежно любимый автомобиль носил уютное имя Шуша и был до отказа забит всевозможными вещами. Найти здесь можно было что угодно — от кашпо для ползучих домашних растений до пухлой аптечки, переполненной средствами от подагры, головной боли и других недомоганий. Среди разноцветных коробочек встречались даже непросроченные препараты.

Выудив из-под пакета с детскими игрушками («Для племянниц одной из подруг», — пояснила Виола) теплый плед, Ева укуталась в него и притихла в надежде ввести Виолу в заблуждение — вдруг та подумает, что Ева спит? Старые дома, потолпившись за окном, уступили место новостройкам. А вскоре зеленым потоком хлынули деревья, укутанные в пышные кусты, совсем недавно забурлившие пеной листья.

— ...Да ты меня не слушаешь совсем! И не притворяйся. — Виола, с опасностью для редкого загородного, но все же движения, обернулась к Еве.

Ева, не отреагировав, продолжала следить за дерганой картинкой, изо всех сил изображающей пленер.

— Ева, дорогая, — настолько проникновенным голосом произнесла Виола, что ее дочь, занятая своими тяжелыми мыслями, повернула к матери удивленное лицо, — если ты так не хочешь ехать, я отвезу тебя обратно домой. Скажу, что ты простудилась. У тебя и правда болезненный вид. Ты бледненькая! Дай-ка я потрогаю твой лоб. — Виола потянулась к дочери, маневрируя с риском для жизни и здоровья всех, кто находился в пределах видимости. Но, вовремя передумав, свернула на обочину и остановилась. — Я поворачиваю обратно, — решительно сказала она. — Тебе надо выпить горячего молока с медом. Так... — Виола наконец дотянулась до лба уворачивающейся Евы. — Детка! Да у тебя жар! Срочно в постель. Придется отменить уроки фортепиано — я посижу с тобой, пока не спадет температура. Надо пригласить доктора Вайса. Никогда не доверяла этим юным шарлатанам, а он старший друг семьи, еще в детстве лечил твою ангину. Милый старичок! Приглашал меня тут как-то на ужин, а я, жестокая, все еще думаю. Как все это удачно! Но как же бабушка?.. С дру-

гой стороны, моя дорогая, если ты так настроена против этой встречи, ничего хорошего не выйдет. И потом, если даже я не знаю, зачем тебя хотят видеть, что можно ожидать от старых переряжниц? Все что угодно, — уверенно заключила Виола и взглянула на Еву своими по-детски чистыми и ясными глазами, не утратившими с годами блеска и озорства.

Ева по-новому, более внимательно посмотрела на Виолу. Невозможно было представить, что истинный адепт семейных ценностей может пойти на поводу желаний не самой верной дочери клана.

— Ма, я хочу поехать! — И, немного подумав, добавила: — Меня Марфа просила.

— Тем более! — решительно сказала Виола, уверенная, что, раз не обошлось без Марфы, значит, дело и впрямь неприятное. От всего неприятного, некрасивого и грустного Виола старалась держаться подальше. — Скажем, что ты серьезно заболела. Или нет (еще накликаем беду!), скажем, что заболела я.

— Не глупи, ма. Едем, — скомандовала Ева.

Вздыхнув, Виола завела машину. Впрочем, покрутив настройку радиоприемника и найдя волну, передающую шлягеры прошлых лет, она довольно быстро повеселела и даже начала подпевать. Когда-то ей прочили карьеру опереточной дивы. Со своим нежным меццо-сопрано Виола и впрямь смогла бы развернуться на этом поприще, еще и сейчас привлекая ее блеском перьевых боа и лихо заломленными бутафорскими цилиндрами.

Но женщины в их семье не занимались такими низменными и недостойными благоразумного человека делами, как оперетта, цирк, профессиональное искусство и некоторые другие занятия (с течением времени список видоизменялся).

Во многом семейные традиции держались исключительно на авторитетах Александры и, разумеется, ее матери — старухи, по всей видимости, перешагнувшей столетний рубеж.

Обе обосновались в старом загородном доме, принадлежавшем семье с незапамятных времен. Дом стоял в глухой местности, вдали от деревень и курортов, у самой реки, окруженный, как старыми боевыми соратниками, столетними

дубами и разлапистыми елями, которые подступали почти к самым стенам дома.

Дом когда-то был частью огромного поместья и принадлежал их прадеду. На его черно-белом фотопортрете, уже неоднократно восстановленном, можно было увидеть подтянутого, с длинными нафабранными усами щеголя в сюртуке и в блестящем на весеннем солнце цилиндре. Исполненный достоинства, он держал под уздцы иссиня-черного скакуна, с гордо изогнутой шеей и тонкими изящными ногами в белых носочках. Снимок был сделан на всемирной выставке в Париже, куда их прапрадед возил своих иноходцев, вообразив себя коннозаводчиком. С тех же времен остались заброшенные конюшни и барабанные столы для разминки лошадей. Мельница и заросший тиной прудик уже настолько отстроились от усадьбы, что могли считаться самостоятельными единицами окружающего пространства.

Жену их предок присмотрел такую же норовистую, как его чемпион Камо Грядеши. Увел из цыганского табора черно-окую красавицу, заточил ее, гордую, в этой же усадьбе. Молодая, погрузив, так и не заплетя свои непокорные черные кудри, оставила это унылое место, то ли померев безвременно, то ли сбежав с конюхом. У некоторых девочек в семье до сих пор встречались то черный цыганский глаз, то вольный норов, а то и волна непокорных кудрей над загорелым упрямым лбом.

Прабабушка Евы была дочерью той цыганки — единственным отпрыском коннозаводчика, так и не женившегося больше ни на ком. Выросла девочка в пансионе, в далекой горной стране, среди озер и луговых трав, не выдавшая никогда ни матери, ни отца, с головой ушедшего сначала в дела своего завода, а затем в перипетии большой политики, да так и сгинувшего на этом опасном поприще. На родном языке она до сих пор изъяснялась (по слухам) с сильным акцентом, может, из нежелания признавать эту страну своей родиной, а может, из природного кокетства, погубившего (опять же по слухам) немало высокопоставленных лиц при разных правительствах в первой половине прошлого века. Жили в семье

легенды о несчастной и трагической любви, убитом солдате (вероятно, еще в Первую мировую, прикидывала Ева) и навеки разбитом девичьем сердце. Оттого, мол, и была так бессердечна бывшая роковая красавица, доводившаяся Еве прабабушкой.

Глава 6

ГРОЗА

Чем ближе Виола с Евой подъезжали к резиденции Александры, тем сильнее шел дождь, начавшийся еще в городе. Весенняя гроза казалась разошедшейся не на шутку истеричкой. Шквалистый ветер налетал на деревья, бился в припадке, расшвыривая ветки, листья и все, что ему удавалось поднять с влажной земли.

Плети дождевых струй яростно хлестали землю и покорно склоненные кроны деревьев, отяжелевшие и разбухшие от впитанной воды. Машину пришлось бросить на произвол стихии, а самим, совершив рекордный забег, во время которого обе промокли до нитки, влететь в дом под сверкание молний и громовые раскаты.

Тетушка Фани, крещенная Епифанией, одна из бесцветных и вечных родственниц (нечто среднее между весталкой, горничной и компаньонкой), с деловитой суетливостью встретила их на пороге. Переодевшись и обсушив кое-как волосы, мать с дочерью выпили горячего пунша, приготовленного по старинному семейному рецепту, знакомому каждой представительнице семьи еще с детских простуд.

Огонь в печи, выложенной голубыми изразцовыми плитками, весело прыгал по дровам, радуясь, казалось, столь редким теперь гостям. Пахло булочками с корицей, ромом и еще чем-то невозможно родным и знакомым настолько, что у Евы слезы подступили к глазам. Даже Виола стала непри-

вычно спокойной и умиротворенной, погрузившись в сладкие воспоминания детства и юности.

Старые часы с маятником и чугунными гирьками пробили четверть десятого. Фани вся в старомодных кружевах, упорхнула в коридор, соединяющий дом с отдельно стоявшим флигельком — владением Александры, а затем, вернувшись, торжественно кивнула Еве.

В полной тишине отчетливо тикали часы и щелкали дрова в печке. Виола вскочила, чтобы ободряюще и с некоторой завистью пожать ледяную руку дочери. И Ева пошла к Александре.

Миновав чистилище холодного коридора, освещенного лишь вспышками молний, Ева очутилась в «святая святых» — апартаментах бабушки. Здесь тоже горел камин, электричество не включали не только из-за грозы, но, как подозревала Ева, и для пушного драматического эффекта. Она вспомнила, как любили здесь устраивать всевозможные театризованные праздники и маскарады, и все, что происходило теперь, ей вдруг тоже показалось какой-то игрой, спектаклем — и пунш, приготовленный Хароном в кружевах, и этот проход по холодному коридору. Вспомнился звонок Марфы — чем не пение сирен?

Глубоко вздохнув, Ева трясущейся рукой прикрыла за собой дубовые, тяжелые, как крышка гроба, двери.

— Здравствуй, здравствуй, детка. Извини, что так поздно пригласили тебя, но нам, старикам, так мало и плохо спится, что мы иногда и сами не понимаем, которое теперь время суток и который час.

Хриплый и сухой, как солома в засушенных букетах Фани, голос Александры отчетливо раздавался в полумраке этой кажущейся огромной из-за плохого освещения комнате. Массивный, темного дерева, шкаф старинным бригом дрейфовал на волнах скудного света, отбрасываемого всполохами каминного огня. Непогода не пробивалась сквозь тяжелые бархатные шторы, с каменным спокойствием закрывшие оконные проемы.

Александра сидела в кресле с высокой спинкой, укутав колени старым пледом, поверх которого положила сомкнутые

руки. Абсолютно седые волосы с прямым пробором туго бинтовали некрупный череп. Тонкая кожа на лбу, изрезанном морщинами, в свете огня казалась золотой.

На удивление хорошо сохранившаяся, с гладкими скулами, тонкими губами и аккуратным носиком, Александра была похожа скорее на добрую фею, чем на злую колдунью, которой пугали всех непослушных девочек их семьи.

— Присаживайся, моя милая. — Она указала Еве на кресло, стоявшее напротив нее. — Вы с Виолой успели добраться сюда до грозы?

— Спасибо, да, — настороженно ответила Ева, не зная в точности, как она должна обращаться к Александре, ну не Ваше же Величество, в самом деле?! Хотя, по чести говоря, именно такими она себе и представляла вдовствующих королей.

Еще на фотографиях, развешанных по всему дому и изученных Евой в детстве, она обратила внимание на эту характерную черту. Была в Александре и тех, кто ей предшествовал, черта редкая для представительниц среднего класса, коими, строго говоря, они все и были. Внутренняя горделивость проявлялась и в осанке, и в посадке головы, и в открытом, спокойном взгляде.

— Дорогуша, видеть я тебя хотела по делу важному, но несколько странному. Сразу прошу тебя, говори все что думаешь, все что знаешь. Возможно, от твоих ответов зависит жизнь нашей семьи. И ничего не бойся, верь мне.

Ничего себе начало. Что же дальше-то будет? Но тихий и спокойный голос бабушки оказал успокаивающее действие, объяснить которое, впрочем, можно было и пуншем. Дрова в камине потрескивали, и все более и более явным становилось присутствие чего-то или кого-то третьего в этой комнате.

— Я вас внимательно слушаю. Отвечать или не отвечать, я уж сама решу, — Еве порядком надоели все эти приготовления неизвестно к чему.

Грубить она не собиралась, просто весь этот день чувствовала себя нелучшим образом, а после кошмарного сновидения — совсем разбитой и больной. Сидя в кресле напротив этого непонятного (Ева никогда не видела ни строчки, напи-

санной рукой Александры) человека, который усложнял и все больше запутывал такое ясное до сих пор пространство вокруг Евы, она чувствовала все возрастающее напряжение.

— Конечно, конечно,— удовлетворенно ответила Александра, не обратив внимания на строптивные нотки в голосе своей упрямой внучки.— Скажи мне, с тобой не случилось ничего плохого?

Ева, ошеломленная таким вопросом, молча уставилась на бабушку. Ей вдруг нестерпимо захотелось рассказать о своем недавнем кошмаре. Появилась нелепая надежда, что Александра одним словом, или прикосновением, или взмахом волшебной палочки (чем там еще орудуют феи?) вдруг все расставит по местам.

В этой обстановке и при этом освещении надежда не казалась такой уж нелепой. Говорили же, что цыганка оставила своим потомкам не только упрямство да черные кудри! Встряхнув головой, как будто отменяя дикие предположения, Ева еще раз внимательно посмотрела на старуху. Может быть, она просто лишилась рассудка от старости? А все тетки, толпящиеся вокруг, настолько запуганы, что боятся признать это?

— Нет, дорогая моя, со мной все в порядке. Уверяю, что это ты нуждаешься в моей помощи.— Ясные глаза смотрели прямо и печально.— Наверное, придется все-таки кое-что прояснить,— с обреченной покорностью сказала Александра, глядя теперь уже куда-то в сторону.

Проследив за направлением ее взгляда, Ева попыталась хоть что-то рассмотреть в сумраке, сгущавшемся до полнейшей черноты почти сразу за пределами пространства, освещенного пламенем камина. В этой темноте началось шевеление. С шелестом летучей мыши и беззвучной плавностью тени к ним подъехало нечто, в неясном свете пламени в первую секунду показавшееся горным троллем.

Придя в себя от изумления, Ева пригляделась и наконец увидела на инвалидном кресле самой последней конструкции — чем, видимо, и объяснялось бесшумное движение — древнюю старушку. Сухонькую, с пушистой короной серебряных волос и также укутанную в плед. Вид у нее был на-

столько благообразный, что он пристал бы скорее средневековой кармелитке, канонизированной при жизни, чем существу, проживающему пусть и в старом доме, пусть и в заброшенной местности, но все же в наше время!

Кожа на ее доброжелательном личике была густо усеяна морщинками, такими мелкими и частыми, что напоминала гофрированную бумагу, из которой Ева в детстве делала цветы. Удивительно темные губы, скорее сизого цвета (в этом освещении ничего точно сказать было невозможно), и еще более поразительные глаза. На лице этого существа, более всего напоминавшего черепаху, сияли совершенно ясные и молодые глаза.

— Да уж, придется,— с легким, но вполне заметным акцентом сказала прабабушка.— Видишь ли, девотшка, наша семья не совсем обитшная.— Это было сказано так торжественно, что сразу становилось понятно — речь идет о редкой добродетели.

— Не все об этом знают,— продолжала уже Александра. Эти двое создавали впечатление, будто они все время переговариваются на частотах, неслышных человеческому уху,— но наша далекая предшественница была не просто цыганкой. В своем таборе она исполняла обязанности медиума, была чем-то вроде амулета. Вот почему ее не отпускали родные, и твоему прапрадеду пришлось украсть ее. При этом пострадал отец девушки. Собственно говоря, его убили. Кроме того, что этот поступок и сам по себе не самый поощряемый законами человеческими и божескими, он еще и последствия имел, касающиеся всей нашей семьи на протяжении дальнейших лет. Умирая, цыган проклял свою дочь. А родительское проклятье самое сильное, ни смягчить, ни избавиться от него невозможно...

Александра, загрузив о том далеком страшном эпизоде в истории семьи, помолчала. Ева слушала затаив дыхание. Некоторые факты этой истории были известны и ей, и многим другим ее родственницам и являлись частью большого багажа легенд, обременяющего всякую семью, а их — особенно. Но ей был непонятен и неприятен тот мистический подтекст, который пыталась обнародовать Александра.